

ПРАГМАТИКА РИТОРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ*

В статье анализируются риторические вопросы в судебной речи. Они признаются необходимым компонентом, реализующим функцию воздействия и убеждения.

Ключевые слова: экспрессивизация речи, риторический вопрос, функция воздействия.

Иллокутивные функции речи судебных ораторов – обвинителей и защитников – различны. Первые призваны осудить содеянное обвиняемым, вторые – найти аргументы, которые позволили бы его оправдать. К достижению конечной цели каждый из ораторов идет своим путем, используя богатейший арсенал экспрессивных языковых средств, направленных на обеспечение суггестивности (действенности) речи.

Обвинительная речь – это уличение в преступлении, аргументация вины подсудимого, стремление вызвать определенный настрой судей и присутствующих на суде. **Защитительная речь** – это попытка снять негативный пафос обвинительной речи, вызвать сочувствие к обвиняемому путем контраргументов и в конечном счете – оправдать его.

Судебная речь должна быть аргументированной, поэтому роль аргументации и в обвинительной, и в защитительной речах чрезвычайно важна. Как замечает Л.М. Грановская, аргументация является «специфическим качеством судебного красноречия. Она строится на основе отвлеченных и конкретных вопросов и применяется для подтверждения правовых норм» [1]. Исследователями отмечается, однако, что «аргументация в судебной речи принципиально отличается от теории доказательства и опровержения, разработанных в формальной логике» [2]. Для формальной логики важны факты, их взаимосвязь и те закономерности, которые выявляются путем умозаключений исследователей этих фактов. Судебная логика, при том что она рациональна, еще эмоциональна, экспрессивна, «пристрастна».

Отбор языковых средств, определенная композиция чрезвычайно важны для судебной речи. Среди множества используемых судебными ораторами риторических компонентов и риторических фигур как элементов экспрессивизации речи риторические вопросы (РВ) занимают существенное место.

Именно риторический вопрос, отнесенный еще Н.Кошанским, к фигурам мысли, «пленяющим сердце» [3], придающим мысли «такую силу, красоту и живость, которые холодным душам не известны» [3], способен объединить в себе рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное начала в высказывании. Воздействующая функция РВ выдвигается на первый план.

Кроме того, риторические вопросы, используемые судебными ораторами, являются теми «двигателями», «стимуляторами», «пружинами», благодаря которым развертывается логика аргументации.

Художественная литература дает замечательное подтверждение вышесказанному. Вспомнить, к примеру, речь защитника Дмитрия Карамазова в

* © Канафьева А.В.

романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» (глава «Денег не было. Грабежа не было»). Аргументированное опровержение показаний свидетелей по факту кражи денег имеет вопросно-ответную форму. На некоторые из вопросов защитник сам дает ответ, некоторые остаются открытыми. Открытые вопросы стимулируют активность слушателей, вовлекают их в поиск ответа, который не навязывается говорящим, к которому он лишь «подталкивает», подводит: *«Господа присяжные заседатели, – приступил защитник, – в настоящем деле всякого свежего и непредубежденного человека поражает одна характернейшая особенность, а именно: обвинение в грабеже и в то же время совершенная невозможность фактически указать на то: что именно было ограблено? Ограблены, дескать, деньги, именно три тысячи – а существовали ли они в самом деле – этого никто не знает. Рассудите: во-первых, как мы узнали, что были три тысячи, и кто их видел? Видел их и указал на то, что они были уложены в пакет с надписью, один только слуга Смердяков. Он же сообщил о сем сведении еще до катастрофы подсудимому и его брату Ивану Федоровичу. Дано было тоже знать госпоже Светловой. Но все эти три лица сами этих денег, однако, не видали, видел опять-таки лишь Смердяков, но тут сам собою вопрос: если и правда, что они были и что видел их Смердяков, то когда он их видел в последний раз? А что, если барин эти деньги из-под постели вынул и опять положил в шкатулку, ему не сказавши?»* – структурно-семантические модели выделенных риторических высказываний довольно распространены в судебной речи. Первое риторическое высказывание может быть определено как конструкция, аналогичная псевдосложному предложению. Первая часть имеет уступительный характер по отношению к уже состоявшемуся утверждению, которое якобы принимается во внимание, но тут же «подавляется» или ставится под сомнение второй частью – дополнительным аргументом или контраргументом. Ср. также: *О личности Мироновича по-прежнему молчу. Но если бы он и был грешен, возможно ли поэтому рассчитывать с ним за деяния другого? И где же? В суде, от которого и падший поучается справедливости* [4] – смысловая структура этого риторического вопроса та же, но организовано оно частицей *но если и* в первой части и частицей *ли* во второй части

Второе риторическое высказывание, организуемое составной частицей *а что, если*, имеет предположительный характер: вопрос остается открытым, а значит, не исключается истинность высказанного в нем предположения относительно того или иного факта.

Не менее характерны для судебных речей утвердительные риторические высказывания: *Заметьте, по словам Смердякова, деньги лежали под постелью, под тюфяком; подсудимый должен был их вырвать из-под тюфяка, и однако же, постель была ничуть не помята, и об этом старательно записано в протокол. Как мог подсудимый совсем-таки ничего не помять в постели и вдобавок с окровавленными еще руками не замарать свежайшего, тонкого постельного белья, которое нарочно на этот раз было постлано?; Но почему же я не могу предположить, например, хоть такое обстоятельство, что старик Федор Павлович, запершись дома, в нетерпеливом истерическом ожидании своей возлюбленной вдруг вздумал бы, от нечего делать, вынуть пакет и его распечатать...Послушайте, господа присяжные, есть ли что возможнее такого предположения и такого факта? Почему это не-*

возможно? – для защитительной речи такие риторические вопросы являются необходимыми составляющими, потому что ими создается пафос речи, в них содержится иной подход к освещению происшедшего, «усиленное» утверждение. «Риторический вопрос естественно включается в стратегические аспекты рассуждения» [1: 79]. При этом риторическое высказывание включается в общую цепь логических рассуждений, его функция оценивается с учетом предшествующих или последующих высказываний.

Посредством риторических конструкций осуществляется не только воздействие – они призваны еще и убедить слушающих, сформировать их собственное мнение, не противоречащее установке обвинителя или защитника. «Ментальный след в сознании адресата оставляют практически все речевые акты... «Но предикатами ментального воздействия естественно называть лишь такие, которые обозначают речевые акты, имеющие целью каузацию устойчивого ментального результата у адресата, притом достигаемого с помощью специальных приемов со стороны говорящего» [5: 82].

«Устойчивый ментальный результат у адресата» – конечная цель судебной речи, свидетельство ее успешности. Немаловажными для судебных ораторов являются и экстралингвистические факторы: внешний вид, мимика, жесты.

Умелое сочетание лингвистических и экстралингвистических качеств речевого акта защитника мастерски показывает А.П. Чехов в рассказе «Случай из судебной практики»: *Адвокат заговорил и ...пошли плясать нервы N...ской публики! Он вытянул свою смугловатую шею, склонил набок голову, засверкал глазами, поднял вверх руку, и необъяснимая сладость полилась в напряженные уши. Язык его заиграл на нервах, как на балалайке...Все зрочки расширились, лица побледнели от страстного ожидания последующих фраз, они вытянулись...А что делалось с сердцами!?* Доведя публику, включая прокурора, до слез, убедив ее в невиновности Шельмецова, адвокат в заключительную часть речи включает и риторические вопросы: – *Взгляните на его глаза! – продолжал защитник (подбородок его дрожал, голос дрожал, и сквозь глаза глядела страдающая душа). Неужели эти кроткие, нежные глаза могут равнодушно глядеть на преступление? О, нет! Они, эти глаза, плачут! Под этими калмыцкими скулами скрываются тонкие нервы! Под этой грубой, уродливой грудью бьется далеко не преступное сердце! И вы, люди, дерзнете сказать, что он виноват?!* – заключительный РВ – апофеоз речи защитника. Именно этой экспрессивной синтаксической конструкцией он утверждает невиновность подзащитного и исключает всякие сомнения в непреложности этого утверждения.

Известный русский адвокат С.А. Андреевский сравнивал «идеального защитника» с «говорящим писателем», который способен «исследовать глубочайшие вопросы жизни». Свое восприятие рассказов Чехова «Злоумышленник» и «Беда» он выражает риторическим высказыванием: *Чехов не юрист. Но кто же, – даже самый лучший из нас <...>, когда бы то ни было произнес в суде что-нибудь, до такой степени, яркое и простое, до такой степени обезоруживающее всякую возможность преследования этих двух преступников (Григорьева и Авдеева), как то, что написал Чехов в этих двух коротеньких рассказах?!* [4: 8].

Преследуя цель – создать атмосферу сочувствия к обвиняемому, в той или

иной степени оправдать его проступок тяжелой судьбой, горькой долей, роком и пр., авторы защитительных речей нередко используют риторические высказывания, содержанием которых являются вопросы «судьбы»: *Известно, как мы все относимся к судьбе. Чем заслужить ее милость и гнев – неизвестно. Отчего я родился бедным, а другой богатым? Отчего сгорел мой дом, а не дом соседа? За что у меня отнято последнее, а тому, кто имеет, дается все больше и больше?.. На все эти вопросы нет ответов* [4: 67]. Такие «роковые» вопросы имеют огромную силу воздействия на адресата, вызывают его солидарность с обвиняемым, сочувствие к нему, потому что каждый так или иначе сталкивался с неразрешимыми проблемами и нераскрытыми вопросами в собственной судьбе.

Таким образом, риторические вопросы в судебной речи – важнейшая составляющая в развертывании аргументации, необходимый риторический компонент, реализующий функции воздействия и убеждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановская Л.М. Риторика. – М., 2004. – С. 149, 79.
2. Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. – М., 1981. – С. 37.
3. Кошанский Н. Общая риторика. – СПб., 1844. – С. 103, 92.
4. Андреевский С.А. Защитительные речи. – СПб., 1909.
5. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 82.

A. Kanafeva

THE PRAGMATICS OF A RHETORICAL SAYING IN JUDICIAL SPEECH

In the article the rhetorical questions in judicial speech are being analyzed. They are considered to be necessary components which realize the function of influence and persuasion.

Key words: expressivisation speeches, rhetorical question, influence function.